

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР



ТАК УБИВАТЬ
НЕЧЕСТНО!

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
КИНЖАЛ

Джорджетт Хейер
Так убивать нечестно!
Рождественский кинжал (сборник)
Серия «Инспектор Хемингуэй»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444073

Хейер, Джорджетт Так убивать нечестно! Рождественский кинжал : [сборник; пер.с англ.] : АСТ;

Москва; 2014

ISBN 978-5-17-080045-2

Аннотация

«Так убивать нечестно!»

Уолли Картер – несносный муж миллионерши – убит прямо во время пикника. Дело кажется опытному инспектору Хемингуэю совершенно заурядным, ведь мотив избавиться от Уолли был у многих – его жены, ее давнего поклонника, падчерицы, воспитанницы и даже у гостя дома. Однако очень скоро инспектор устанавливает, что ни у одного из подозреваемых не было ни времени, ни возможности воспользоваться оружием убийства. Буквально у каждого есть алиби. Так кто же из гостей лжет?

«Рождественский кинжал»

Веселый праздник Рождества в богатом загородном особняке закончился скандалом: хозяин дома переругался с гостями, а напоследок пообещал лишить наследства своего племянника. А утром владельца особняка нашли в спальне мертвым, с кинжалом в груди. Инспектор Хемингуэй, ведущий расследование, уверен: дядюшку убил племянник, ведь у него был серьезный мотив. На это указывают улики. Но и у других присутствующих имелись основания желать ему смерти. Алиби нет ни у кого...

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Так убивать нечестно! | 5 |
| Глава 1 | 5 |
| Глава 2 | 14 |
| Глава 3 | 26 |
| Глава 4 | 34 |
| Глава 5 | 43 |
| Глава 6 | 52 |
| Глава 7 | 63 |
| Глава 8 | 72 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 81 |

Джорджет Хейер

Так убивать нечестно!

Рождественский кинжал (сборник)

Georgette Heyer

NO WIND OF BLAME

ENVIOUS CASCA

© Georgette Heyer Rougier, 1939,1941

© Перевод. А.В. Санин, 1996

© Перевод. В.Н. Соколов, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Buckman Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Так убивать нечестно!

Глава 1

– Князь приезжает двухчасовым поездом. Значит, к чаю он будет уже здесь. Здорово, да?

Не дождавшись ответа, дама, сидевшая во главе стола, повторила свою реплику, присовокупив:

– Уверена, что он тебе понравится. Он такой душка. Настоящий джентльмен – если тебе, конечно, понятно значение этого слова.

Мисс Клифф, с головой погружившаяся в чтение собственной корреспонденции, встрепенулась:

– Ой, извините, тетушка Эрминтруда, я что-то зачиталась. Князь, говорите... Ах да! Значит, понадобится подать к поезду лимузин. Я уж распорядюсь на этот счет.

– Да, дорогуша, сделай милость. – Миссис Картер вернула письмо князя в конверт и протянула пухлую руку к подставке для гренок.

Это была крупнотелая женщина, в молодости славившаяся роскошными золотистыми волосами и свежим, всегда румяным лицом. Время наложило свой отпечаток на ее кожу и кудри, но внушительные дозы перекиси водорода и снадобья знаменитого косметолога сотворили чудо. Если золото в тщательно завитых волосах Эрминтруды чуть отливало менее благородным металлом, то румянец на щеках казался столь же естественным, как и прежде. Правда, при искусственном свете она смотрелась лучше, чем на ярком солнце, но такие пустяки нашу красотку не трогали. Каждое утро Эрминтруда щедро пудрила щеки и красила ресницы синей тушью, выгодно подчеркивавшей небесную голубизну ее глаз.

Самозабвенность, с которой Эрминтруда предавалась этим утренним священнодействиям, настолько ее выматывала, что к завтраку она появлялась без корсета, в шелковом кружевном халате, который именовала «неглиже». Мэри Клифф, так и не привыкшая молча наблюдать, как широченные рукава Эрминтруды порхают по масленкам и салатницам, однажды, когда расшитый рукав в очередной раз погрузился в ее чашку кофе, не сдержалась и в присущей ей тактичной манере заметила, что, возможно, тетушке было бы удобнее завтракать в постели. На что Эрминтруда, широкая душа, беззаботно отозвалась, что за завтраком предпочитает общество, да и планы домочадцев на предстоящий день ей знать не мешает.

Мэри Клифф, называвшая ее тетушкой, на самом деле вовсе не приходилась Эрминтруде племянницей – она была кузиной и подопечной Уоллиса Картера, мужа Эрминтруды. Миловидная молодая женщина, лет двадцати с небольшим, отличалась не по годам здравым умом и рассудительностью, которые лишь укрепились от общения с Уолли Картером. К самому Уолли, у которого ветер гулял не только в голове, но и в карманах, она была по своему привязана, хотя прекрасно видела все его недостатки, и не ощутила даже укола ревности, когда пять лет назад Уолли совершенно неожиданно сочетался браком с Эрминтрудой Фэншоу.

Небольшая, но постоянная рента от надежно вложенных средств, доставшихся ей в наследство, позволила Мэри получить образование в приличной частной школе. Однако каникулы ее из-за любви Уолли к кочевому образу жизни и частых банкротств проходили в вечно сменявшихся пансионах или мебелированных и оживлялись только посещениями кредиторов да постоянным страхом по поводу того, что Уолли вот-вот не устоит перед натиском очередной овдовевшей домовладелицы. Однажды, во время краткого периода относитель-

ного преуспевания, Уолли посчастливилось в дорогом отеле на одном из модных курортов не только привлечь внимание, но вскорости и обольстить Эрминтроду Фэншоу, фантастически богатую вдову. Мэри тогда с присущей ей рассудительностью сочла, что это небесное знамение. Перст судьбы.

Да, верно, Эрминтрода была экстравагантна, любила пускать пыль в глаза, а порой держалась и откровенно вульгарно, но ее отличали поразительная душевная щедрость и открытость. Она не только не выразила неудовольствия по поводу юной воспитанницы Уолли, но и категорически настояла, чтобы Мэри жила с ними под одной крышей и даже не пыталась устраиваться на работу. Если уж Мэри так не терпится работать, говорила миссис Картер, она готова взять ее в секретарши, да и в самом Пейлингсе, ее поместье, дел было всегда невпроворот. «Не говоря уж о том, дорогуша, что ты будешь водить дружбу с моей Вики», – добавила тогда же Эрминтрода.

Мэри решила, что это вполне справедливо, хотя, впервые встретившись с Вики Фэншоу – не по годам развитой, весьма своенравной и взбалмошной школьницей, моложе ее на пять лет, – вовсе не подумала, что им суждено стать подругами неразлейвода.

Вики, на образование которой шли средства совершенно чудовищные, сначала училась в престижной школе на южном берегу Англии, после чего Эрминтрода отправила ее завершать обучение в Швейцарию, в еще более престижную и сумасшедше дорогую школу-интернат. В течение последних лет Вики проводила каникулы за границей вместе с мамой, и Мэри ее почти не видела. Теперь же, окончив школу, девочка жила в Пейлингсе – предмет гордости и радости для мамы, но отнюдь не закадычная подруга для Мэри, которую бесконечные выходы Вики то забавляли, то выводили из себя.

Этим теплым сентябрьским утром Мэри вдруг сообразила, что присутствие в доме русского князя побудит Вики откалывать фортели похлеще обычного, и спросила опасливым тоном, насколько князь молод.

– Я бы не сказала, что он очень молод, – проворковала Эрминтрода, потянувшись к тосту и обмакнув по пути рукав в вазочку с вареньем. – На мой взгляд, если хочешь знать, он находится в самом расцвете лет. Тебе еще не приходилось сталкиваться со столь знатной персоной, а уж по части учтивости и обходительности он любому герцогу сто очков вперед даст! Увы, не сочти за отсутствие патриотичности, но в старушке Англии такие аристократы перевелись.

– Я вообще-то не в восторге от русских, – сказала Мэри, скривив губы. – Языком молоть все они горазды, а вот едва доходит до дела – пасуют.

– Не стоит стричь всех под одну гребенку, дорогуша, – снисходительно улыбнулась Эрминтрода. – К тому же, как я тебе уже сто раз говорила, он не совсем русский. Он – грузин, некогда владевший настоящим замком на Кавказе... Это, кажется, где-то на Черном море.

В это мгновение распахнулась дверь и в столовую вошел Уолли Картер. Среднего роста, коренастый, в молодости он слыл настоящим красавцем, но годы взяли свое. В налитых кровью глазах уже не сияла былая молодецкая удаль, щеки висели складками, и даже некогда гордо топорщившиеся усы трагично поникли. В недолгий период обхаживания Эрминтроды приверженность Уолли к крепким спиртным напиткам еще не начала сказываться на его внешности, а вот последние пять лет, проведенные в праздной роскоши, его заметно подкосили. Особой аккуратностью и опрятностью Уолли, правда, не отличался и прежде, сейчас же одежда и вовсе висела на нем мешком, а волосы, казалось, пребывали в состоянии вечной вражды с расческой. От природы доброжелательный, Уолли тем не менее любил беззлобно поворчать – скорее от занудливого нрава, нежели из-за обидчивости. Привыкшие к его нытью домочадцы давно не обращали на него ни малейшего внимания, пропуская бесконечные жалобы мимо ушей.

– Посмотрите только, кто к нам пожаловал! – Такими словами поприветствовала мужа Эрминтруда. – Мэри, деточка, позвони в колокольчик, будь добра! Замечательный денек, верно, Уолли? Хотя наш Пейлингс куда краше, когда расцветают рододендроны.

– Господи, да кому они нужны! – сварливо пробурчал Уолли, бросая рысый взгляд в сторону окна. – Мусор от них только!

– Ты разве забыл, дорогой, что сегодня приезжает князь? – вскинула брови Эрминтруда. Ее напоминание, похоже, всколыхнуло в Уолли какие-то дремавшие чувства. Он опустил газету, спрятавшись за которой тщетно пытался уединиться, и пробормотал:

– Это, случайно, не тот малый, которого ты подцепила в Антибе?

Глаза Эрминтруды гневно сверкнули.

– Не будь грубияном, – осадила она мужа. – Надеюсь, мне никогда не придется опускаться до того, чтобы, как ты столь неудачно выразился, «подцеплять» кого бы то ни было! Между прочим, с Алексисом меня познакомила сама леди Фишер.

– Алексис! – взвыл Уолли. – Этого только не хватало! Что за идиотское имя! Надеюсь, ты не рассчитываешь, что я стану обращаться к нему так?

– Ты будешь называть его «князь Варасашвили»! – отрезала Эрминтруда. – Или «ваша светлость».

– Еще чего! – взвился Уолли. – Да ни за какие коврижки! Это просто издевательство какое-то! Во-первых, фамилия совершенно дурацкая, а во-вторых, я ее даже запомнить не в силах, не то что выговорить. Кстати, послушайся мудрого совета: не пытайся сама так к нему обращаться. Если ты начнешь его представлять как князя Варшава... Варавва... Воло-сосвини, то... Словом, люди подумают, что у тебя белая горячка.

– Да, фамилия напоминает скороговорку, – заметила Мэри. – Придется вам записать ее для меня, тетушка Эрми.

– Называй его «князь» – и дело в шляпе, – улыбнулась Эрминтруда.

– Ничего подобного, – проворчал Уолли. – Представляю, как ты крикнешь: «Князь!» – и тут же примчится эта идиотская псина, виляя хвостом!

Эрминтруда изменилась в лице.

– Этого я не предусмотрела, – признала она. – Да, так не пойдет, разумеется. То есть вы-то, конечно, поймете, в чем дело, но Алексис... Представляете, что будет, если я крикну: «Князь, пошел вон!» или «Князь, а ну кыш с моего кресла!»? А ведь такое вполне может случиться – из-за того, что ты, Уолли, так разбаловал эту чертову бестию. А бедняжка Алексис подумает, что я к нему обращаюсь. Что ж, придется посадить Князя на цепь.

– Ну нет, уж этого я не потерплю, – замотал головой Уолли. – Видит Бог, я человек не капризный, но привязывать моего песика из-за какого-то паршивого русского князя, которого я не знаю и знать не хочу, я не дам. Если бы ты спросила меня раньше, я бы сразу возразил против его приглашения – я ведь этих иностранцев на дух не выношу. Но увы, со мной не сочли нужным посоветоваться. Как всегда, между прочим.

Эрминтруда казалась озабоченной.

– Мне, право, жаль, Уолли, что ты так относишься к иностранцам, но Алексис даже говорит без акцента.

Уолли, пропустив ее слова мимо ушей, продолжил:

– И вообще все эти русские – полные растяпы и ротозеи. Немудрено, что революция случилась именно у них. И поделом им! Кстати, чем этот малый занимался в Антибе? Небось жил за счет какой-нибудь богатой вдовушки? Да, точно, чего еще ожидать от этих фанфаронов!

Заметив, что Мэри быстро взглянула на него и тут же отвела глаза, Уолли побагровел.

– Да, я понял, о чем ты подумала, но я уже совсем скоро стану богатым человеком, так что нечего меня с ним сравнивать. Как только тетя Клара отдаст Богу душу, я расплачусь с Эрминтрудой – все до последнего пенни верну.

Мэри промолчала. Про тетю Клару, дальнюю родню Уолли, ей уже прожужжали все уши. Правда, последние десять лет тетя Клара не выходила из сумасшедшего дома, а Уолли ссылался на нее всякий раз, как только влезал в долги или вознамеривался просвистеть очередную сумму. Эрминтруда усмехнулась:

– Да, дорогой, про тетю Клару мы наслышаны. Надеюсь, ее деньги и впрямь отойдут тебе, хотя о том, чтобы ты со мной расплачивался, и речи быть не может, – этого я никогда не позволю. Если же ты намекаешь на то, что я порой неохотно расстаюсь с деньгами, то это вовсе не так. Я, конечно, не имею в виду тех случаев, когда ты просто выбрасываешь деньги на ветер!

Похоже, последняя фраза, произнесенная к тому же слегка повышенным тоном, возымела действие. Во всяком случае, Уолли втянул голову в плечи, попросил налить ему еще кофе и был несказанно рад, когда в столовую с шумом и гамом влетела его падчерица.

Девушка появилась в окружении целой своры собак, весело тявкающих и повизгивающих. Два кокер-спаниеля, пекинес Эрминтруды и не по возрасту здоровенная борзая резвились у ее ног, виляя хвостами. В комнате резко запахло псиной – один из кокеров только что искупался в реке.

– Ух ты, какая спортсменка! – заметила Мэри, окидывая взглядом одеяние Вики.

Вики была в обтягивающих бриджах, низко вырезанной тенниске, под которой гордо торчали неокрепшие холмики ее груди, и сандалиях на босу ногу, откуда выглядывали пальцы с ярко накрашенными ногтями.

– Ой, доченька, зачем ты спаниелек-то выкупала? – воскликнула Эрминтруда. – Князь и так вчера полдня из воды не вылезал.

– Подумаешь, – протянула Вики, отмахиваясь от назойливых собак. – Фу! Пошел вон, говорю! Лежать, Рой! Хорошая собачка, хорошая... Ах ты зараза! Лежать, а то башку оторву!

– Слушай, какого черта ты приволокла всю свору сюда, на завтрак? – спросил Уолли, отбиваясь от приставаний борзой. – Лежать! Да отстань же, скотина чертова! – Кинув взгляд на Вики, он добавил: – И что за костюм ты на себя напялила? У меня даже аппетит пропал. Как это мать позволяет тебе разгуливать в таком виде?

– Ах, оставь ее, Уолли! – попросила Эрминтруда. – Ее хоть в рубище одень, она все равно будет краше всех на свете. Хотя брючки, пожалуй, и впрямь несколько вызывающие. Гляжу я порой на какую-нибудь толстуху, напялившую на себя подобные, и думаю: «Эх, дорогуша, видела бы ты сейчас свою задницу, ты бы дважды подумала, прежде чем влезать в такие штаны».

– Mamочка, но ведь у меня и задницы-то совсем нет! – возразила Вики, усаживаясь за стол напротив Мэри.

– Это верно, милочка. В этом смысле ты не в меня пошла.

Вики рассеянно улыбнулась и принялась читать письмо, в то время как ее мамаша в открытую любовалась дочкой, умильно улыбаясь.

Девочка и впрямь была прехорошенькая, с длинными пепельными волосами, огромными голубыми глазищами и черными бахромчатыми ресницами. Даже беспощадно выщипанные брови и крутые дуги, выведенные карандашом чуть выше прежних бровей, не портили впечатления.

– Тебе, должно быть, известно, что к нам приезжает князь? – ворчливо осведомился Уолли. – Я, правда, ума не приложу, зачем он нам сдался, но ты, наверное, как и твоя мать, считаешь, что присутствие в доме князя должно скрасить наше существование.

– Да, по-моему, это просто замечательно! – выпалила Вики.

Беспечный ответ падчерицы, похоже, окончательно добил бедного Уолли, который погрузился в угрюмое молчание.

Эрминтруда вскрыла очередной конверт и вдруг громко вскрикнула:

– Ах! – Тут же на ее губах заиграла торжествующая улыбка. – Вот что значит – настоящий князь! – заявила она. – Диринги согласились!

При этом известии даже лицо Уолли прояснилось. Однако, кинув взгляд в сторону Мэри, он пробурчал, что, по его мнению, князь тут совершенно ни при чем.

– Держу пари, что младший Диринг сейчас гостит у родителей, – добавил он.

Мэри зарделась, но ответила спокойным тоном:

– Я, между прочим, сама тебе вчера об этом сказала.

– А кто он такой? – полюбопытствовала Вики.

– Старый приятель Мэри, – ухмыльнулся Уолли.

– Близкий приятель? – оживилась Вики.

– Нет, это вовсе не то, что ты думаешь, – смущенно покачала головой Мэри. – Его родители живут в поместье, а я познакомилась с ним, как только мы сюда переехали. Он адвокат в верховном суде. Неужто ты его не помнишь?

– Не помню, но, судя по описанию, он жуткий зануда, – поморщилась Вики. – Замшелый адвокатишка!

– Нет, он славный малый, – поддержал свою подопечную Уолли. – Во всяком случае, если он попросит руки Мэри, я не стану чинить им препятствий. Более того, я оставлю ей все свои деньги!

– Ты сперва получи их, – лукаво напомнила Эрминтруда. – Я, правда, тоже надеюсь, что ты, Мэри, выйдешь за него замуж, ведь мало того что вы с ним – хорошая пара, но такая женщина, как ты, осчастливит любого своего избранника, кем бы он ни был.

– Спасибо, тетя Эрми! – с волнением в голосе поблагодарила Мэри и, чувствуя, как пылают ее щеки, поспешила сменить тему. – Что подняло тебя в такую рань? – обратилась она к Вики. – Ты, по-моему, плескалась в ванне еще чуть ли не на рассвете.

– О, я ходила на охоту, – беззаботно откликнулась Вики. – Надеялась зайчишку подстрелить.

Уголки губ Мэри задрожали.

– Только не говори мне, что ты отправилась на охоту в сандалиях и с накрашенными ногтями!

– А почему бы и нет? – Глаза Вики широко раскрылись.

– Представляю, как это выглядело!

– Да, по-моему, зрелище было что надо, – охотно согласилась Вики.

– И ты кого-нибудь подстрелила?

– Да, – кивнула Вики. – Почти.

– Тут она вся в отца пошла, – с нескрываемой гордостью заявила Эрминтруда. – Ах, он просто обожал охоту! Трижды ездил в Африку, на сафари! Там мы с ним, кстати, и познакомились.

– Сомневаюсь, чтобы он так же мазал, стреляя по зайцам, – сухо заметил Уолли. – Или по более крупной дичи. В противном случае мне бы не пришлось жить в доме, до самой крыши забитом охотничьими трофеями. А ведь находятся любители держать зонтики в слоновьих ногах, обтягивать мебель шкурами и развешивать на стенах головы умерщвленных животных, но я, по счастью, к таковым не отношусь. Проще было бы переехать жить в музей естественной истории.

– И Боутри тоже приедут! – восхитилась Эрминтруда, не обращая ни малейшего внимания на сетования супруга. – Значит, как и ожидалось, нас набирается ровно десять.

– По-моему, Алан тоже хотел заглянуть, – словно невзначай произнесла Вики.

Эрминтруда насупилась.

– Пусть продолжает хотеть, – отрезала она. – Лично против него или его сестры я ничего не имею, но терпеть присутствие Гарольда Уайта рядом с Дирингами и Боутри не собираюсь. Это исключено!

– Я тоже его на дух не выношу! – кивнула Вики.

– Вот видишь, милочка. А ведь я не могу пригласить Алана и Джанет без их отца, верно? Как-никак у нас званый вечер, а не теннисный турнир.

– Вот, начинается, – уныло протянул Уолли. – Бедняга Гарольд! Я был уверен, что и пяти минут не пройдет, как вы начнете ему косточки перемывать. Господи, и что он вам дурного сделал?

– Просто он мне неприятен, – заявила Эрминтруда. – А что касается дурного, то я не хочу портить всем аппетит, перечисляя его прегрешения. Достаточно и того, что он имел наглость поселиться в Дауэр-Хаусе.

– Но ведь ты не возражала против того, чтобы пустить его!

– А как я могла возразить, когда ты вцепился в меня мертвой хваткой, уверяя к тому же, что он твой родственник! Знала бы я наперед, сколько пакостей он нам учинит... Да и тоже мне родственник – седьмая вода на киселе. Такой же родственник, как зеленый человечек с Марса...

– Вот здесь-то ты и ошибаешься, – перебил Уолли. – Я точно не помню, но у нас с ним общий прапрапрадедушка. Может, там даже четыре «пра», а не три, но это уже не столь важно.

– Общий пращур, – с умным видом подсказала Вики.

Однако Эрминтруда отказалась идти по ложному следу.

– На мой взгляд, это вовсе не родство. К тому же тебе прекрасно известно, за что именно у меня зуб на твоего Гарольда Уайта.

– А эти Боутри такие зануды, – сказала вдруг Вики.

– В некотором роде, – согласилась Эрминтруда. – Однако затащить таких людей на вечеринку удастся отнюдь не многим, дитя мое. Скажу тебе даже по секрету, что здесь это пока не удавалось никому.

– Диринги тоже жуткие зануды.

– Только не леди Диринг. Она очень славная, да и держится как настоящая леди, не то что некоторые.

– Зато большего зануды, чем Хью Диринг, во всем мире не сыскать, – упрямо настаивала Вики. – Паршивая, в общем, получится вечеринка.

– Да, но ведь у нас еще будет настоящий русский князь! – напомнила Эрминтруда.

Послышалось сдавленное хихиканье.

– Если хоть кому-то интересно знать мое мнение, что, впрочем, почти невероятно, – ворчливо заговорил Уолли, – то ваш драгоценный князь только довершит этот ужас. Добьет нас, так сказать. Однако лично меня это не касается, поскольку, как я говорил и повторяю, развлекать я его не намерен.

В глазах Эрминтруды появился тревожный блеск.

– Но, Уолли, ты должен мне помочь! Не упрячься, будь человеком, прошу тебя. Мы ведь уже сто лет назад с тобой об этом договорились, тем более что Алексис, я уверена, понравится тебе с первого взгляда. Все, что тебе нужно, – это пригласить его с собой на охоту. И все.

Уолли встал из-за стола, зажав газету под мышкой.

– Опять ты за свое! Я же тебе тысячу раз твердил: не люблю я охоту! Терпеть ее не могу! Не говоря уж о том, что я одолжил ружье Гарольду, а он мне его еще до сих пор не вернул. Так что при всем желании стрелять мне не из чего. Не из рогатки же.

Тут уж Эрминтруда, при всей своей доброте, не выдержала:

– Что ж, Уолли, на сей раз придется тебе потребовать, чтобы Гарольд немедленно вернул ружье. В противном случае я сама пойду к нему! И как ты мог без спроса отдать ему оружие моего бедного Джеффри?

– А что я, по-твоему, должен был его дух с того света вызвать?

Эрминтруда вспыхнула, в голосе прозвучали слезы.

– Как ты смеешь так себя вести? Порой мне кажется, что ты стал совсем черствым и бессердечным.

– Да, жуткое свинство! – воскликнула Вики.

– Ну ладно, ладно вам! – забормотал Уолли, поспешно отступая к двери. – Нечего кипятиться. Подумаешь, пошутить нельзя... Да будет тебе, Эрми! Успокойся. Ну вот, уже глаза на мокром месте! Как будто Гарольд слопаёт твой несчастный дробовик. Или ломает.

– Заберите у него ружье! – потребовала Вики. – Видите, как мамочка расстроилась!

– Хорошо-хорошо, – пообещал Уолли. – Только прекратите причитать и успокойтесь.

И спешно ретировался.

После его ухода Вики мигом перестала походить на фыркающую кошку и преспокойно приступила к завтраку. Эрминтруда, метнув виноватый взгляд на Мэри, проговорила:

– Извини, Мэри, но ты знаешь, насколько мне неприятен этот Уайт, а услышав про ружье, я уже не могла больше держать себя в руках.

– Это все Уолли виноват, тетя Эрми. Ничего страшного, просто порой в него словно какой-то бес вселяется. Скоро он отойдет и извинится, вот увидите.

– А все из-за этого чертова Гарольда Уайта! – не унималась Эрминтруда. – Он дурно влияет на Уолли. Прежде за моим мужем такого не водилось.

– Я не думаю, что дело обстоит так уж плохо, – покачала головой Мэри. – Только бы он пил чуть поменьше.

– И все равно я бы предпочла, чтобы Уайты отсюда уехали, – вздохнула Эрминтруда. – Их соседство отравляет мне все существование.

– Да уж, уайтовский дух здесь силен, – хмыкнула Вики, деланно содрогаясь.

Не желая вступать в пререкания с Вики, Мэри встала из-за стола, собрала письма и покинула столовую.

В число обязанностей, которые она сама на себя навесила, входило ежедневное посещение кухни для беседы с необыкновенно умелой поварихой, которая одновременно служила в Пейлингсе и домоправительницей. Однако на этот раз, прежде чем отправиться на кухню, Мэри вышла в сад, прихватив корзинку и ножницы, – свежие цветы в доме не помещают, решила она.

Утро стояло – просто загляденье, свежее и солнечное. Хотя, как подметила Эрминтруда, Пейлингс и впрямь был особенно хорош весной, в пору цветения азалий. Ничто – ни однообразные кустарники, заросли которых тянулись до самого ручья, ни домик Гарольда Уайта на противоположном берегу – не мешало Мэри наслаждаться погожим деньком. Эрминтруда держала целую армию садовников, поэтому помимо ухоженных лужаек, где непрошеному сорняку отсекали голову, едва незванный гость осмеливался высунуться, и бесчисленных клумб в поместье были разбиты итальянский сад, розовый сад и даже японский сад камней. В центре японского сада застыл живописный пруд с лилиями. Правда, особую гордость Эрминтруды составляло, как ни странно, пестрое разнотравье, вволю произраставшее по границам садов. Здесь, к ужасу садовников, все оставалось в первозданном виде.

Порой Мэри, правда, казалось, что Эрминтруде изменяет вкус, но она тут же спохватывалась и начинала укорять себя – ведь более доброй женщины, чем тетя Эрми, было днем с огнем не сыскать.

Бельмом на глазу миссис Картер был только Дауэр-Хаус, и то лишь из-за его нынешнего обитателя – Гарольда Уайта. Мистер Уайт, арендовавший у нее дом в течение последних лет, казался Эрминтруде настоящим исчадием ада. Он настолько отравлял ей жизнь, что бедная женщина из опасений увидеть крышу его дома даже отказалась от привычных прогулок по усаженной рододендронами извилистой аллее, тянувшейся до старенького мостика, переброшенного через ручей. Прежде Эрминтруда обожала этот маршрут, теперь же сама мысль о том, чтобы постоять на мостике, с которого как на ладони был виден Дауэр-Хаус, возвышавшийся на косогоре, приводила ее в содрогание. Сам мостик был выстроен в свое время прежним владельцем Пейлингса как раз для того, чтобы обитатели обоих домов могли свободно посещать друг друга. Эрминтруда не раз подумывала, что неплохо бы снести мост, и даже заводила этот разговор с Уолли, однако на Гарольда Уайта ее желания никакого воздействия не оказывали: наглец продолжал с завидным упорством пересекать мост и навешиваться к Уолли, причем в любое время, когда ему только заблагорассудится.

По счастью, это случалось не каждый день. В отличие от Уолли Уайт был вынужден добывать себе хлеб насущный собственным трудом и служил управляющим на небольшой угольной шахте. Его дочь Джанет ухаживала за домом, а сын Алан, на несколько лет моложе Джанет, устроился помощником к адвокату в близлежащем городке Фриттоне. До того как Уолли удалось сочетаться браком с несметно богатой миссис Фэншоу, Уайт, жалованье которого никогда не покрывало и двух третей его расходов, прозябал в лачужке на окраине Фриттона, зато после переезда Уолли в Пейлингс Уайт мигом обнаружил, что они состоят пусть и не в слишком тесном, но родстве. Остальное было, как говорят, делом техники. Уолли не стоило большого труда уговорить Эрминтруду сдать пустовавший в то время Дауэр-Хаус своему родственнику. Разумеется, с огромной скидкой. Эрминтруда утверждала, что именно с той поры в ее муже с новой силой вспыхнуло пристрастие к хмельному зелью и выявились иные дурные наклонности. Гарольд Уайт увлек его с пути истинного, приохочивая не только к бутылке, но и к скачкам, а также, страшно сказать, к посещению женщин с весьма неважной репутацией.

Мэри, которая тоже терпеть не могла Уайта, тем не менее отрицала, что он был для Уолли *ame damne*¹. Прожив с Уолли куда больше, чем Эрминтруда, она несравненно лучше изучила его слабости и прекрасно знала все недостатки. К сожалению, мягкотелый Уолли с легкостью позволял вовлечь себя в более чем сомнительные предприятия. Будучи по натуре человеком добрым, искренним и покладистым, Уолли оказался славным опекуном, поэтому Мэри и закрывала глаза на то, что небольшая рента, доставшаяся ей в наследство, шла с его легкой руки отнюдь не только на ее содержание. Лишь изредка она сожалела, что ее покойный отец, доводившийся Уолли дядей, не передоверил ее опекунство солидной адвокатской конторе.

Такие, отнюдь не самые безупречные, мысли роились в голове Мэри, возвращавшейся домой с цветами. Уолли и прежде случалось докучать ей, теперь же Мэри все чаще и чаще казалось, что он становится обузой.

Мэри старалась отгонять прочь мысли о каких-либо серьезных отношениях с Хью Дирингом. Да, верно, относились они друг к другу с привязанностью и искренней симпатией; вдобавок, хотя Хью жил в Лондоне, где возможностей для знакомств с девушками было несравненно больше, он так никем и не увлекся. Более того, всякий раз, едва приехав к родителям, он тут же мчался к Мэри. Девушка не знала, как относится к их дружбе леди Диринг, мать Хью, прославившаяся своей беззаботностью, однако она знала наверняка, с каким неодобрением взирает на проделки Уолли Картера отец Хью, сэр Уильям Диринг. Мэри немало удивилась, услышав, что Диринги приняли приглашение посетить Пейлингс:

¹ Вечное проклятие (фр.).

прежде они и впрямь сторонились званых вечеров. Мэри даже заподозрила, что к этому причастен Хью, ведь не могли же знатные и светские Диринги клюнуть на какого-то грузинского князя, как считала Эрминтруда.

Однако Мэри немного переоценила леди Дириг.

Глава 2

Узнав о предстоящем званом ужине в Пейлингсе, сэр Уильям Дириг, которого, должно быть, даже в раннем детстве не именовали Биллом, изумился ничуть не меньше Мэри Клифф. Устремив на жену грозный взгляд, казавшийся совсем свирепым из-за кустистых, нависших над глазами бровей, сэр Дириг возжелал узнать, все ли у нее в порядке с головой.

Нисколько не испугавшись прозвучавшей в голосе мужа воинственности, леди Дириг ответила, что, напротив, пребывает в здравом уме и трезвой памяти.

– Но этот вечер я не пропустила бы и за все золото мира! – пылко заявила она. – Представляешь, неподражаемая Эрминтруда где-то откопала настоящего русского князя!

– О Господи! – возопил сэр Уильям. – Надеюсь, ты не хочешь сказать мне, что приняла ее приглашение только ради того, чтобы поглазеть на какого-то идиотского иностранного князя?

Его супруга чуть призадумалась, но в ее очаровательных серых глазах плясали бесенята.

– Пожалуй, не совсем. То есть не только ради князя. Но познакомиться с русским князем в такой обстановке! Нет, этого удовольствия ты меня не лишишь!

Ее ответ не только не успокоил сэра Уильяма, но окончательно вывел из душевного равновесия.

– Послушай, Рут, даже твое чувство юмора должно иметь пределы. Черт побери, нельзя же пользоваться чужим гостеприимством лишь для того, чтобы вдоволь поизмываться над людьми!

Настал черед леди Дириг удивляться.

– Глупыш мой, – ласково проворковала она, – ты меня совсем неправильно понял.

– Но ты же сама сказала...

– Нет, дорогой мой, я вовсе не то имела в виду. Если я над кем иногда и потешаюсь – а не измываюсь, как ты изволил выразиться, – то только над тобой. Нет, милый, просто я собираюсь провести приятный вечер. Повеселиться на всю катушку.

– Мне это не нравится. Против самой миссис Картер я ничего не имею, если не считать того, что она дьявольски вульгарна, вечно размалевана до ушей, да и пахнет всегда парфюмерной лавкой, но ее выпивоху мужа я просто на дух не выношу. Мы же всегда старались держаться от них на расстоянии, а теперь страшно подумать, во что выльется твое легкомыслие!

– Всего-навсего в ответное приглашение как-нибудь отужинать у нас.

– Но почему? – горько вскричал сэр Уильям. – Только не вздумай совать мне под нос этого дурацкого русского князя! В жизни не слышал более несусветной ерунды!

– О, мой дорогой, порой твоя детская наивность просто восхитительна! Ладно, будь по-твоему. Так вот, лапочка Эрминтруда собирается выстроить для нас больницу!

– Что?

– Разумеется, не своими руками, – поспешила успокоить супруга леди Дириг. – Можешь закрыть рот. Она выдаст нам чек почти на всю необходимую сумму. По-моему, пара-тройка вечеринок – не слишком большая плата за столь неслыханную щедрость.

– Я нахожу это отвратительным! – с чувством произнес сэр Уильям.

– Ты можешь находить это каким угодно, дорогой, но я лучше тебя знаю, как обставляются подобные дела. Эрминтруда – добрейшая душа, но она отнюдь не дура, да и дочь у нее на выданье. Ради нашей больницы я готова помочь ей во всем.

– Ты хочешь сказать, что собираешься заключить с этой женщиной постыдную сделку?

– О Господи! Нет, конечно! Ты, как всегда, ничего не понял. Я просто скажу, что мы все мечтаем, чтобы она вступила в наш комитет, а также будем рады, если они с мужем согласятся отужинать у нас в следующем месяце. Заодно познакомятся с Чарльзом и Киской, когда те приедут к нам погостить. Ничего постыдного тут нет.

– Конечно, – сварливо отозвался сэр Уильям. – Это даже не постыдно, а просто омерзительно. А в следующий раз ты скажешь Картеру, что спишь и видишь, как его воспитанница станет нашей невесткой.

– Тут ты немного погорячился, – спокойно ответила леди Диринг. – Тем более что я еще вовсе не уверена, в самом ли деле мечтаю об этом.

– Удивительно! – ядовито осклабился сэр Уильям.

Приход их сына и наследника положил конец супружескому спору. Хью Диринг, в серых фланелевых брюках и знававшем лучшие времена твидовом пиджаке, стремительно пересек лужайку и уселся на скамью рядом с матерью.

Он был высокий и широкоплечий, с приятными чертами лица. От матери он заполучил живые серые глаза, а от отца унаследовал упрямый рот. Это позволяло молодому человеку (а Хью было на вид лет двадцать восемь) выглядеть милым и добродушным или, напротив, – капризным и свирепым, в зависимости от настроения.

В данную минуту он выглядел милым и добродушным.

– Что тут у вас, ма? – весело спросил он, набивая трубку. – Тайный конклав?

– О, вовсе нет. Мы с твоим отцом обсуждаем завтрашнюю вечеринку.

Хью понимающе улыбнулся.

– Славная затея, – сказал он. – Вас тоже пригласили на охоту, сэр?

– Нет, – капризным голосом ответил сэр Уильям. – А если бы и пригласили, я бы отказался.

– А я вот не устоял, – весело провозгласил Хью.

– Как, ты хочешь сказать, что завтра отправишься на охоту?

– Да! А почему бы и нет?

– Знай я об этом наперед, я бы уступил тебе свое место в клубе, – произнес сэр Уильям, который издавна входил в члены престижнейшего охотничьего клуба. – Там и общество получше, да и условия не те. Просто возмутительно, в какой упадок пришли пейлингсовские уголья после смерти Фэншоу. Эти бездельники совсем их запустили. Птица вконец одичала... Если, черт побери, там вообще остался хоть один фазан!

– Значит, ничего не подстрелю, – обреченно вздохнул Хью. – Тем более, сэр, что для вашей компании я не гожусь. Оруженосцы, эсквайры, заряжалышки – нет, все это не для меня. Рылом не вышел-с.

Вместо ответа сэр Уильям погрузился в мрачное молчание. Его многоопытная жена, прекрасно понимавшая, что за мысли бороздят сейчас мозг супруга, поспешила отвлечь его, спросив Хью, не видел ли он еще Вики Фэншоу.

– Нет, это удовольствие мне еще предстоит, – улыбнулся ее сын. – Если верить Мэри, это нечто необыкновенное.

– Я встретила ее вчера во Фриттоне, – как бы невзначай обронила леди Диринг. – Хорошенькая мордашка – такой, наверное, была и ее мать в том же возрасте. А почему Мэри так странно про нее выразилась?

– Говорит, что Вики – это вещь в себе. Совершенно непредсказуемая. Бесенок в юбке. К тому же с весьма недюжинным актерским талантом.

– А мне она приглянулась. Говорят, все молодые люди в округе без ума от нее.

– Джентльмены предпочитают блондинок, – усмехнулся Хью, поднося к трубке зажженную спичку. – А что, пресловутый русский князь – тоже претендент на ее руку?